

R 556
48r

К Р О К О Д И Л

СЕГОДНЯ
**ДОХОДНОЕ
 МЕСТО**
 ПЬЕСА
 А.Н. ОСТР

ОСТРОВСКОМУ

НАШ ДРУГ ОСТРОВСКИЙ
 (К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

— Вот это драматург был! До сих пор его пьесы со сцены не сходят.
 — Уверяю тебя, тут дело не обошлось без приятельских отношений. Ведь у него все зрители — друзья!

Рис. Л. БРОДАТЫ

СКАЗКА О БОРОДЕ

В НЕКОТОРОМ министерстве, в хорошо известном месте, жили были три завода. Один — «Красный пролетарий», другой — «Станкоконструкция» и третий — имени Орджоникидзе. Вызывают их как-то в министерство и любезно говорят:

— Вот вам участок. Стройте своим рабочим дом. Вот на первое время и финансы.

Обрадовались заводы, заторопились, в строительный трест Мосжилстрой что есть сил побежали и низко ему поклонились:

— Построй нам, трест-батюшка, жилой дом на 5-м Донском переулке, возведи нам хоромы высокие и просторные, с вентиляцией и газификацией, с глянцевым паркетом и электрическим светом. Только поспеши, родимый: дозарезу в жилплощади нуждаемся!

— Ладно уж, — ответил нехотя трест, долго разглядывая узоры хитрые на проекте девятиэтажного дома. — Через три годика готово будет! Пожалуйте аванс!

Натянул трест на себя семимильные сапоги-скороходы, засучил повыше рукава, поплевал на ладони, да и взялся быстрехонько за стройку.

Трудился, трудился, аж пот градом катился. И двух с лишним лет не прошло, как выросли на Донском переулке четыре этажа.

— Что за диво-дивное! — говорят заводы тресту. — Мы просили девять, а у тебя больше четырёх что-то не получается!

А вскоре война грянула. На несколько лет о стройке забыли. Но как стала война к концу подходить, поспешили заводы в министерство:

— Разрешите построить!

— Пожалуйста! — говорят там с большой охотой. — Только трест теперь другой строить будет — наш, министерский, Центростанко-строй.

— Что же, пускай! — согласились заводы.

Скоро сказка сказывается, да не скоро стройка строится. Пришёл на 5-й Донской переулок добрый молодец Геннадий свет Нилович Фомин, самый главный в тресте начальник, огляделся по сторонам

и сокрушённо головой покачал. Покачал головой, а потом громким таким голосом приказал:

— Завози!

И завезли: кирпич, бут, песок, железо разное, балки, плиты, рельсы. Много всего завезли! Одного кирпича около миллиона штук.

Год проходит. Два проходит. Третий год наступает — не узнать стройку на Донском переулке!

Был миллион кирпичей на стройке — нет теперь кирпичей там. Был бут — нет бута. Было железо — нет теперь железа.

Прискакал прошлой осенью на стройку Геннадий свет Нилович Фомин и громким голосом приказал:

— Вывози!

И вывезли. На другую стройку.

Остался только сторож-старичок, дряхленький.

Вдруг, откуда ни возьмись, явился перед ним статный молодец. Поглядел на недостройки, нахмурился и вздохнул тяжело.

— А ты кто таков будешь, почтеннейший? — спрашивает старичок строго.

— А буду я, дедушка, строительный контролёр, за всеми стройками наблюдающий...

— А ты не кручинься, добрый молодец. Вот тебе колобок; куда он покатится, ступай за ним смело.

Поблагодарил контролёр старичка за подарок и пошёл вслед за колобком.

Долго ли, коротко ли, но прикатился колобок на Ленинградское шоссе, к стройучастку № 9-а.

Подкатил колобок к самому фундаменту, да и заговорил вдруг человеческим голосом:

— Погляди, добрый молодец, на новостройку! Она уж, можно сказать, бородой обросла. Восьмой годик строят её два министерства: мясной и молочной промышленности да строительства топливных предприятий. Строят, строят, а достроить никак не могут...

Взглянул добрый молодец контролёр на стройку, да так и обомлел. Стоит на площадке высоченный башенный кран, высоко в небо шею свою вытянул, а внизу ни души. Только фундамент да каменная кладка первого этажа кое-где темнеют...

— Не горюй, добрый молодец, не печалься! — говорит колобок контролёру. — Это ещё ничего, ещё не такие бородатые стройки увидишь.

И покатился колобок дальше по Ленинградскому шоссе, к дому № 134—152.

— Погляди, добрый молодец, на стройку Министерства авиационной промышленности! Второй десяток годов уже пошёл, как участок ему отвели, а вместо девяти секций только две соорудили. Строят, строят, никак осилить не могут.

Опечалился контролёр лучше прежнего, а колобок его утешает:

— Не горюй, добрый молодец, не печалься! Это ещё ничего, почище дела увидишь.

И покатился колобок на Краснопрудную улицу, к дому № 26—28, потом — на улицу Чкалова, № 18—20, потом — на Дорогомиловскую набережную, № 3—7...

Колобок долго мог бы катиться по многим недостройкам, но пора сказку кончать. И ещё пора отметить, что это, к сожалению, не сказка, а самая настоящая быль.

Ал. АЛЕВИЧ

Календарь КРОКОДИЛА

МАРТ

21 День весеннего равноденствия. Продолжительность дневного заседания равна продолжительности заседания ночного.

25 Акт об уничтожении торговли рабами в Англии (1806). До английских колоний, за отдалённостью их, до сих пор не дошёл.

23 Основание Рима (753 до нашей эры). На каком основании хозяйничают теперь в нём американцы, знает один де Гаспери.

26 Ежегодный греческий праздник освобождения от турецкой зависимости. По инициативе Цалдариса в этом году заменён праздником зависимости от США.

24 45 лет со дня смерти Сухова-Кобылина, а второй «Свадьбы Кречинского» что-то не видно. Брак в драматургии, впрочем, и теперь имеется.

30 Родился (1809) Н. В. Гоголь, соавтор доньне идущей пьесы «Мёртвые души» и автор забытой театрами комедии «Ревизор».

Уолтер Уинчелл добывает манто

(ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ)

СЛОВООХОТЛИВЫЙ КУЛИДЖ

Заместитель губернатора штата Массачузетс в США Кулидж уверяет, что Гавайские острова захвачены... русскими.

Кулидж знает об этом со слов губернатора Гавайских островов Стейнбека. Русские прибрали к рукам буквально всё на Гавайских островах. Не прибран ещё к рукам лишь сам Стейнбек. Стейнбек — это всё, что осталось от великодушных островов. В самом деле, какие жалкие остатки!

Словоохотливый Кулидж доводится двоюродным братом бывшему президенту Кулиджу. Но тот, как известно, был скуп на слова. Он большей частью молчал. Напрасно массачузетский Кулидж не следует его примеру. Это было бы куда остроумнее.

СЕАНС ГИПНОТИЗМА

Американский радиокомментатор Алистер Кук в своей недавней радиопередаче выражал недовольство советской печатью, которая часто пишет о предстоящем экономическом кризисе в Америке. Это, уверяет Кук, «производит гипнотизирующее впечатление».

Мы решили пойти навстречу мистеру Куку. Вопреки очевидным фактам попробуем заявить, что кризиса в Америке не будет!

Мы разрешаем мистеру Куку сообщить об этом своим радиослушателям. Так и скажите:

— Есть в Москве журнал Крокодил, который по нашей просьбе устроил сеанс гипнотизма на тему «Кризиса в Америке не будет!»

Мы разрешаем также вывести этот номер Крокодила на фондовой бирже в Нью-Йорке, где биржевые цены продолжают падать всё ниже и ниже.

ВЕСЕЛОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Представитель индийской печати при организации Объединённых наций Сивараман решил совершить поездку на юг Америки.

В журнале «Кольерс» Сивараман рассказывает, чего он натерпелся за эту поездку. Дело в том, что из-за смуглого цвета кожи его частенько принимали за негра. Поэтому в купе вагона четыре дюжины американцев хотели учинить над ним расправу. Дамы, занявшие места в купе, пришли в такой ужас при виде цветного, что собирались прыгать из окна вагона. Полицейский потребовал, чтобы он перешёл на другую сторону улицы, отведённую для негров. Девушки-лифтерши боялись пускать его в лифт. Хозяин ресторана, которому он объяснил, что он не негр, а индеец, заявил ему:

— Я об этом знаю, но мои посетители не знают. Без разговоров выметайтесь!

А другой владелец ресторана избил его и вышвырнул на улицу, и т. д., и т. д.

Всего сразу не перескажешь: ведь американская цивилизация и американская демократия так многогранны.

М. ЯНКО

КОГДА Дэймон Рэнисон, фельетонист херстовских газет, покинул бранный мир, человечество не было потрясено этой утратой. Нужно прямо сказать: покойный не подарил потомкам богатого культурного наследия. Почти всю свою бурную жизнь провёл он в кабаках и притонах Нью-Йорка. Он посвятил своё перо одной, не очень глубокой и благородной, но зато довольно доходной теме: описанию скандалов, драк и прочих пикантных происшествий в ночных клубах американской столицы.

Уолтеру Уинчеллу, другому херстовскому фельетонисту, сообщили горестную весть о смерти его приятеля.

Уинчелл угрюмо пробормотал в ответ:

— Проводы покойника — плохой бизнес!

Однако он всё же пролил скупую слезу в знак скорби об утрате друга и решил отдать последний долг бедняге Дэймону.

Рэнисона и Уинчелла сближало трогательное идейное родство. Рэнисон был властителем дум сутенёров и гангстеров — завсегдатаев ночных притонов. А Уинчелл прославился даже за пределами США как искусный клеветник и лжесвидетель. О врале Уинчелле упомянул в своё время А. Я. Вышинский.

Скорбно склонив голову над гробом своего приятеля, Уинчелл напряжённо думал о том, какой доход можно выжать из бездыханного тела старины Дэймона. И вот в самую трагическую минуту, когда тело покойного плавно опускалось в могилу, торжествующая улыбка озарила внезапно лицо Уинчелла.

Он дружески кивнул покойнику, как бы желая сказать: «Ну, счастливый путь, старина! Извини, но мне некогда. У тебя тут свои дела, у меня свои. Гуд бай!»

Покончив таким образом с излияниями скорби, Уинчелл сел в машину и уехал.

На другой день читатели газет Херста могли познакомиться с новым произведением Уолтера Уинчелла. Это было торжественное извещение о том, как безутешный Уинчелл решил увековечить память своего друга, умершего от рака. Уинчелл объявил, что создаст фонд Дэймона Рэнисона по борьбе с этой болезнью, и немедленно открыл сбор пожертвований.

На этот скорбный зов первой откликнулась ассоциация меховщиков. Меховщики

не очень разбирались в медицине, но знали-таки толк в рекламе.

— Пусть вся Америка видит, как торговцы пушиной поддерживают науку! — сказали они и пожертвовали в фонд манто из норки стоимостью в 10 тысяч долларов.

Получив этот щедрый дар, Уинчелл опытным взглядом окинул мех, тщательно исследовал ворс и, убедившись, наконец, в добротности вклада, решил, что столь ценной вещи можно найти более выгодное применение.

Отбросив сентиментальные воспоминания об умершем друге, Уинчелл предложил манто в виде премии тому, кто пришлёт «лучшее определение коммунизма в десяти словах».

И вот тут-то и разразился скандал. Увидев объявление Уинчелла, меховщики поняли, что он собирается делать рекламу не для них, а для самого себя. Они холодно, но твёрдо заявили Уинчеллу:

— Отдайте наше манто обратно!

— Ах, так! — парировал удар бывалый Уинчелл. — Значит, вы против борьбы с коммунизмом?

Конфликт нарастал. Уполномоченный меховщиков Гарри Прайс составил исполненную красноречия и юридической мудрости письменную петицию, в которой с непреклонной убедительностью утверждал, что борьбу с заболеваниями раком никак нельзя заменять борьбой с коммунизмом. На основе целого ряда блестящих научных анализов Гарри Прайс доказал в этой петиции, что рак придерживается полного нейтралитета ко всем политическим партиям.

Однако храбрый Уинчелл не дрогнул в эту тяжёлую минуту. Наоборот, он принял величественную позу и воскликнул:

— Дайте мне только раздобыть другое манто, и я нанесу смертельный удар коммунизму!..

Юр. ЧАПЛЫГИН

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

НЕУДАЧЛИВЫЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

- Почему такие грустные лица у этих поджигателей?
- Потому, что и в Праге у них не выгорело.

ОДНАЖДЫ жена сказала мне, что нам пора приобрести новую мебель.

Я довольно долго доказывал, что к старой мебели мы привыкли, знаем её нрав, изучили, на какой стул нужно садиться самим и какой предлагать гостю, но ничего не помогало. Я сдался. И вот я отправился в мебельный магазин.

В подвале, где стояли кресла, диваны и прочие предметы, которым суждено затромождать жилплощадь, горела единственная лампочка и притом так тускло, что я немедленно поставил себе фонарь под глазом в качестве дополнительного освещения.

— Темновато, — нерешительно сказал я.

— Сорок свечей! — укоризненно сказал заведующий.

Я сообразил, что тридцать девять свечей давно сгорели и теперь догорает сороковая, но, не зная в точности законов электричества, промолчал.

— Что заказываете? — спросил заведующий, и в голосе его прозвучало холодное пренебрежение, с каким говорят все заведующие магазинами, так как считают себя единственными и естественными хранителями и распорядителями всего окружающего их изобилия, а нас, покупателей, досадной помехой в этом уютном мироздании.

За спиной заведующего висел плакат: «Купленный товар обратно не принимается и не обменивается!»

Я робко указал на плакат и спросил:

— А разве бывают случаи, что к вам обращаются с такой просьбой?

— Нет, — внушительно ответил заведующий; помолчав, он добавил: — Покупатель пошёл грамотный, а плакат висит на видном месте.

Я вздохнул и пошёл за ним в глубину магазина. Темнота действовала на меня угнетающе. Молчание моего спутника — также. Я попытался зажечь спичку, но заведующий сурово сказал:

— Штраф в противопожарных целях — двадцать пять рублей!

Тогда я как можно быстрее выбрал два кресла и диван. Заведующий, подсвечивая карманным фонариком, записал на ярлычки, приколотые к спинкам, многозначные номера. Судя по номерам, можно было подумать, что я последний в городе приобретаю мебель, все остальные жители уже купили.

Поздно вечером мне, согласно объявлению, доставили мебель.

Предметы вносили один за другим, затем я довольно долго искал взаимно у соседей требуемую сумму «за беспокойство», так что только проводив грузчиков и шофёра, мы смогли наконец взглянуть на наше новое приобретение. Жена радостно включила весь арсенал лампочек, в том числе и стосвечевую.

Жена осветила мебель — и немедленно выключила весь свет, кроме настольной лампы. Взглянув на меня и подав мне воды, она примирительно сказала:

— Ради бога, не волнуйся! Можно спать чехлы из одинакового материала, а гостей принимать при одной настольной лампе. Так даже экономнее...

Я молчал. Зато дети не могли молчать: они плакали до тех пор, пока их не увели в детскую, где стояла старая, привычная мебель.

Я скорее лёг спать. Но и в постели мне не было покоя. Всю ночь кресла и диван вели какую-то разрушительную деятельность. Из кабинета, где их поставили, слышались вздохи, звон пружин.

Никто в доме не спал. Дети поминутно вскрикивали, жена разрывалась между ними и мной, то успокаивая их, то подавая мне валерианку. К утру оказалось, что я выпил шесть флаконов капель, по сто граммов в каждом. Даже вино я не пил в таком количестве.

Утром мы более внимательно и, признаюсь, с большим страхом рассмотрели наше приобретение. Каждый предмет новой обстановки имел свой, особенный, неповторимый цвет. Неповторимый в том

смысле, что художник, один раз выдумавший подобную расцветку и рисунок, вероятно, окончательно бросил свою деятельность. Я не могу представить, что у этих людей могут быть более крепкие нервы, нежели у меня. Вместо ножек к креслам были приделаны дубовые доски, выглядывающие из-под обивки ровно на сорок сантиметров, как полагается по дамским модам сорок восьмью года.

Я молчал. Должен сказать откровенно, я думал, что потерял голос навсегда.

Жена на этот раз даже не попыталась переложить вину на меня, как обычно делают все жёны. В зеркале я увидел свои красные глаза и дёргающееся лицо и понял, почему все в доме обходят меня с опаской. Я начинал вздрагивать, едва входил в кабинет. Постепенно я стал походить на грузовик, в котором разогревают мотор. Дрожь стала моим постоянным состоянием.

Дело в том, что мистические явления продолжались. Кресла стонали, вздыхали и кричали, словно пытались освободиться от тех уз, которыми мебельщики насильственно связали несовместимые элементы. Пружины вдруг со звоном выпрямлялись, продирая обивку. Мочала выползала на пол, шевелясь, как змеиное гнездо. Доски, подлокотники, валики, как и подковные и шестидюймовые твозди, вдруг со свистом и скрежетом извергались во все стороны, подвергая опасности мою жизнь. Помня о детях, я был вынужден застраховаться.

К счастью, эти мучения скоро кончились. В один прекрасный день — вот уж подлинно прекрасный! — мебель неожиданно распалась и перестала существовать. Я облегчённо вздохнул, выволакивая бранные останки моей и женой тордости на лестничную площадку. И всё-таки я был наивен, полагая, что отделаться так легко.

Через полчаса после того, как я освободился от моего кошмара, явился дворник в сопровождении милиционера. Не слушая моих объяснений, они предложили уплатить штраф за нарушение противопожарных мероприятий и засорение лестницы. Я уплатил.

Ночью я выбросил разрозненные детали во двор. Я даже тихо улыбкался, наблюдая, как прыгают освобождённые пружины, разбегаясь по асфальту.

Утром меня посетили дворник, милиционер и инспектор автоотдела. На этот раз меня оштрафовали на сто рублей. Я уплатил.

Вот уже много ночей я не сплю, разнося детали моей мебелировки по всему городу. Дело в том, что в нашем доме отопление идёт от теплоцентрали и нет ни одного завода для переработки металлолома. А без заводской установки справиться с таким количеством утиля невозможно.

Я уже использовал все мешки, чемодан и даже матрацные наволочки для упаковки этого лома. Едва наступает ночь, я бреду с очередной ношей куда-нибудь в глухой переулок, чтобы не попасть в глаза милиционеру. Никогда раньше я не представлял, как бдительно охраняется ночной покой граждан. Нет более подозрительной фигуры, чем моя, когда я прячу очередную чемодан с мочалой или пружинами в подъезде чужого дома...

Единственная надежда поддерживает меня. Ещё несколько таких ночей — и я навсегда избавлюсь от последствий моего печального легкомыслия. И ещё одно утешает меня: во время ночных путешествий я иногда встречаю такие же таинственные фигуры, бросающиеся в бегство, швыряя узлы и чемоданы, как только завидят меня. Я полагаю, что эти правонарушители тоже побывали в некоем мебельном магазине и теперь испытывают на себе, что значит получить с доставкой надом несколько тонн смеси из ржавого железа, сырых досок, мочалы и раскрашенной дерюги.

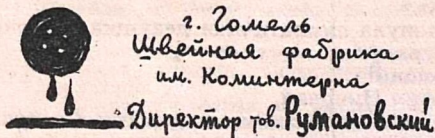
СООБЩАЕМ АДРЕСА

Итак, дорогие читатели, вы имеете возможность лишний раз убедиться в том, что мы аккуратны и держим своё слово. Обещали в прошлом номере рассказать о деятелях, выпускающих товары весеннего ассортимента, вот и делаем это.

Как приятно после долгой зимы скинуть наконец тёплые одежды и в погожий весенний день нарядиться в новый светлый костюм!

Вы приобрели такой костюм и тут же случайно измяли. Нужно его погладить. Вы легкомысленно хватаетесь за утюг и бережно начинаете им водить по ткани. Но что это! Откуда взялись ужасные чёрные пятна? Оказывается, вы имели неосторожность горячим утюгом, коснуться пуговиц. И — какой ужас! — они (эти пуговицы) растаяли, как снег под апрельским солнцем. И вместо них остались только неприятные жирные пятна.

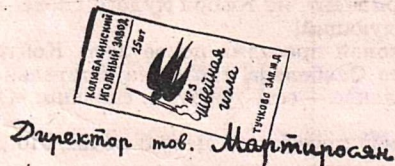
Вам, конечно, не терпится узнать, кто испортил ваш костюм, а заодно и весеннее настроение. С прискорбием сообщаем адрес:

* * *

К нам в редакцию залетела ласточка. Но, к великому сожалению, ничего радостного она нам не принесла. Наоборот, с её прилётом нам сделалось грустно-грустно. Ничто не веселило нас. Ни ласковое солнце, ни голубое небо, ни бодро журчащие ручейки. Почему? А потому, что прилетевшая ласточка принесла с собой в клювике иголку. Иголку не простую, а такую, что нам стало не по себе, когда мы её как следует рассмотрели. Оказывается, при первом соприкосновении с материей она гнётся и принимает форму вопросительного знака, как бы спрашивая: «Кто меня сделал?»

Охотно отвечаем, приводя ниже точную копию фабричной марки предприятия, которое выпускает в продажу это изделие:

* * *

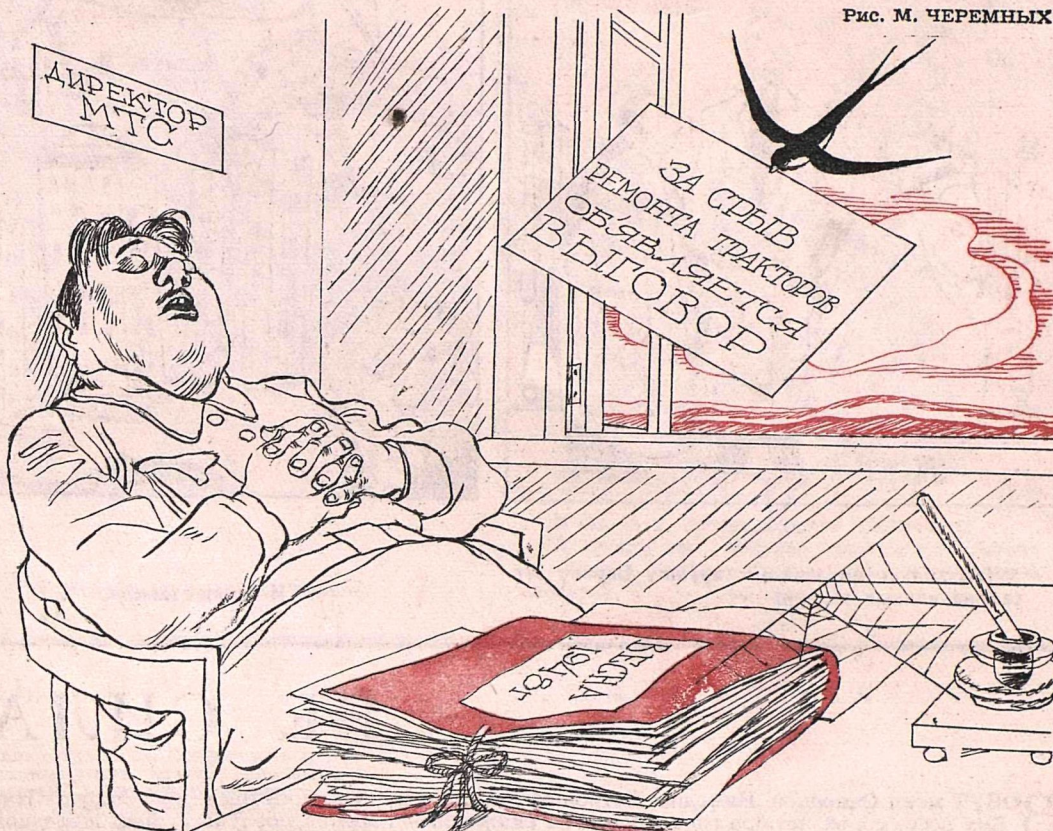
Всем известна истина, что весной приятно надеть лёгкую обувь. Такую обувь вам охотно предложат в любом промтоварном магазине. Вот тут-то мы вас и предупреждаем: временно воздержитесь от покупки непрочной и мало привлекательной по внешнему виду обуви, изготовленной на фабрике «Заря свободы».

Творцов этой невыносимой обуви можно видеть ежедневно (кроме воскресений) по следующему адресу:

* * *

(В следующих номерах — следующие адреса).

Первая ласточка.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ

С п е ш и л и х а

(В. ПАНОВА)

У ПРОХОДНОЙ

Очень много людей работало на заводе. Одни работали плохо, другие — хорошо, третьи — ещё лучше, а четвертые успевали даже влюбляться.

Блондины, брюнеты, шатены, седые и лысые толпились у проходной, едва только запевал гудок. О каждом из них можно было написать роман. Гудок ревел всё громче и пронзительнее, он как бы предупреждал от чего-то и предупреждал, что могут быть крупные неприятности. Но было уже поздно.

И, поняв это, гудок смолк.

ЛЮДИ

Доктор Кесарев-Сеченский с детства был очень нехорош собой.

Многие об этом догадывались. Кроме того он был на редкость скучный человек. Личной жизни у Кесарева-Сеченского не было совсем. Не было у него и родителей.

Единственным близким существом, по-настоящему к нему привязанным, была старая грудная жаба. Совершенно непонятно было, почему он так хорошо работает и так правильно решает самые запутанные вопросы. Может быть, в глубине души он был всё-таки красив? Впрочем, в это как-то не верилось. Детей у Кесарева-Сеченского тоже не было. Но при больнице были ясли и детский сад.

ЛЮБОВЬ

Ниночка была так хороша собой, что её всё время хотелось поцеловать. Но ей всё время хотелось перевыполнять план. Ей приятно было думать, что крупнейший цех знаменитейшего завода держался, в сущности, на ней одной — тоненькой и голубоглазой.

Надевши что-нибудь попроще, она неспеша шла на работу и кружила головы мальчишкам. Одним эта кружилиха нравилась, другим — нет. Ниночке это было всё равно.

Блеснув невероятным перевыполнением и закатив завещу очередной скандал, она делала маникюр, надевала что-нибудь голубое и неспеша выбирала себе мужа.

— Мне нужно хорошенького, — рассуждала Ниночка, — неглупого и посимпатичнее.

— Ты меня любишь? — спросил её Коля после первого поцелуя.

— Ну, что ты! — засмеялась Ниночка. — Зачем это тебе?

Они поженились, и Коля заплакал.

СУДЬБА

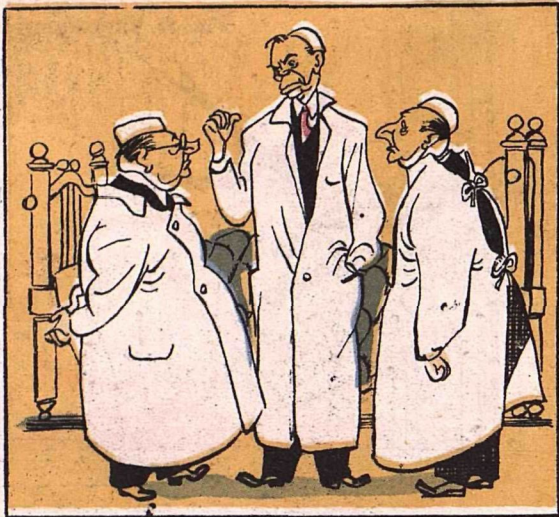
Ночь плывёт над городом. Спят люди добрые, всякого рода племени, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Спят мальчишки в ремесленном училище, спят и видят во сне Дюма-отца, Дюма-сына и Дюма — духа святого. Спит, завершив небольшую постирушку, разнесчастный профсоюзный вдовец Недоуздкив.

Спит директор, но и во сне продолжает умело руководить заводом. Под утро он даже проявляет чуткость. Спит прекрасная и гордая женщина, освоившая специальность авиаконструктора. Она будет хорошей женой директору. Они это ещё не знают. Но я уже знаю... Люди спят, а мне что-то не спится... Я брожу возле проходной будки завода и читаю на трамвайных путях знакомую надпись: «Берегись листопада!» Раньше она казалась мне странной. Теперь не кажется. Ещё в одном окне горит свет.

Люди добрые, ратуйте, я боюсь этого окна! Там живёт критик. Он не дремлет. А ведь уже поздно. Спи спокойно, дорогой товарищ.

А. РАСКИН

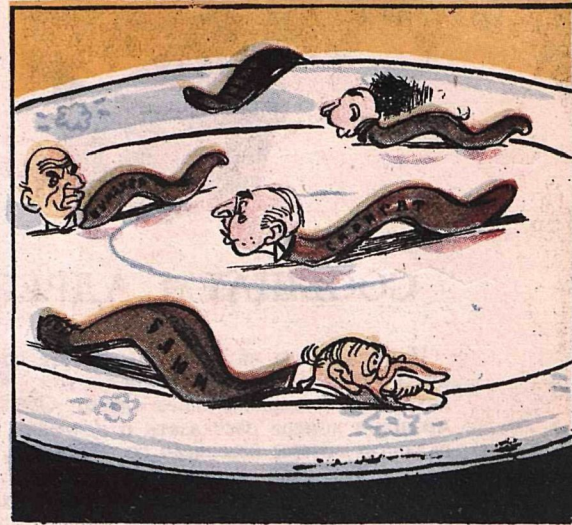
Рис. Ю. ГАНФА

Чем только не лечили старушку Еропу эти самонадеянные лекари!

И банки ставили.

И пиявками пользовали.

ЕЕ СИЛА

ЗОВУТ меня Синеоков, Никодим Петрович. Есть у меня сынишка Вася. Ему всего сорок четыре года. Ничего не скажешь — паренёк послушный. Попросишь его куда-нибудь сбежать — никогда не откажется. Наднях он по моему поручению сбежал в одно издательство получить причитающийся мне гонорар. Я иногда, между прочим, подписываю — воспоминания разные, мемуары и прочие фантастические статейки. Пошёл, значит, Вася в издательство и взял с собой доверенность. В этой доверенности я писал: «Доверяю сыну моему Василию Синеокову и т. д.»

Встретили его там приветливо, усадили. Старичок-бухгалтер от восторга места себе не находил:

— Вот как! Значит, вы приходите родным сыном товарищу Синеокову. Очень рад! Очень рад!

Чему он так радовался, ума не приложу. Но это — его личное дело, пускай. Затем он подаёт Васе ордер и говорит:

— Тут мы с вашего родителя вычли семьдесят два целковых за бездетность.

Мой Вася вскочил, как ошпаренный. Обиделся парень.

— Кто это бездетный? — вскричал он. — Мой отец?!

— Вполне могу допустить, — спокойно отвечает старичок, — что ваш папаша не бездетный. Но нет соответствующей справки.

— К чему вам бумажка? — не унимается Вася. — Ведь я налицо. Вот мой паспорт. Мне сорок четыре года. Значит, отец мой вообще уже в таком возрасте, когда не платят этого налога.

— Ничего не поделаешь, — отвечает бухгалтер. — Нужна справка.

— Но перед вами я! — говорит Вася. — Его сын! Живой!

— Справку, — отвечает бухгалтер, — мы приклеиваем к ведомости. А вас, дорогой Василий Никодимыч, не намажешь клеем и к ведомости не прикрепишь...

Вот тогда я понял, друзья, её силу. Силу бумажки!

Тут, конечно, я мог бы произнести целую речь о том, что порой бумажка заслоняет живого человека, что для бюрократа важна справка, а не...

Ну, сами знаете, что в таких случаях говорят критически мыслящие ораторы. А поскольку вы всё это знаете, то мы затруднять вас этими посеребренными от долгого употребления истинами не будем, а перейдём, с вашего разрешения, прямо к фактам.

Соседка у меня есть, вдова Агуреева. Ей пенсия полагается за мужа. Года два ходила она по всяким собесам. И всё без результата. То есть нет отказа: не давать! Но нет и приказа: давать!

Кончилось это тем, что я осерчал. Взял обыкновенный листик бумаги и решительным почерком написал в районный собес:

«Пора прекратить эту безобразную волокиту. Прошу срочно разобрать дело гр-ки Агуреевой».

И подписал даже не свою фамилию — Синеоков, а что-то такое неразборчивое — нечто среднее между Синебрюховым и Синебрюковым.

Что же вы думаете? В один день всё было оформлено. Кто он таков — этот Синебрюков или Синебрюхов, — они понятия не имеют. Но на всякий случай испугались. Бумажки испугались!

Тут, конечно, я мог бы произнести целую речь о том, что порой бумажка заслоняет... Ах, да. Виноват. Я уже об этом говорил. Перейду-ка лучше прямо к следующему конкретному факту.

Николай, сын моего приятеля Киреева, служит в главке, который он в шутку называет Главчай с лимоном.

Большой шутник — этот Николай! Вот только послушайте, что он проделал в прошлом году.

Тогда я работал не в Главчае с лимоном, а в Главсыре с маслом. А жил он в летний период в густо населённой дачной местности по Казанской дороге.

Захотел Николай для облегчения дачных тягот приобрести себе сезонный железнодорожный билет. Приходит он на вокзал, подходит к кассе и тут же, не отходя от кассы, просит выдать ему билет, для чего вручает деньги и фотокарточку.

Из окошечка выглянула симпатичная девушка в несимпатичном перманенте и сердито буркнула:

— Нельзя! Следующий!

— Почему? — спросил Николай.

— Не затрудняйте кассира мелкими вопросами. Следующий!

Но следующего не было. А Николай — парень настойчивый.

— Я всё-таки хочу знать! — сказал он, повышая голос.

— Надо вашу фотокарточку заверить по месту службы.

— А что заверять?

— Что это действительно ваша фотокарточка.

— Зачем же заверять? Вот я. Смотрите. И сверьте.

— Так нельзя. Следующий!

Николай пошёл домой. Вырезал из какого-то старого иллюстрированного журнала портрет генерала Скобелева. Ну, помните — этаким бравый вояка, весь в крестах и лентах, с длинной бородой, разделённой на два острых клина.

Наклеил Николай портрет его превосходительства на кусок мягкого картона. На обороте написал: «Сим удостоверяется, что изображённая на сей фотокарточке личность есть действительно Н. Киреев». Взял монету в три копейки, слегка смазал её чернилами и приложил вместо печати к фотокарточке.

Я уже вам говорил, что этот самый Николай — большой озорник, хотя ему уже под сорок. Думал он, видите ли, пошутить. А вышло всё на серьёзный манер!

Предъявил он эту карточку со Скобелевым в окошечко кассы, и вышеупомянутый перманент, не говоря худого слова, выдал ему билет:

— Пожалуйста. Следующий!

С этим билетом Николай проездил целое лето. Контролёры небрежно смотрели на бородатого Скобелева, потом на тщательно выбритого пассажира и — ничего. Главное — есть печать и сказано: «Сим удостоверяется...»

Тут, конечно, я бы мог произнести целую речь... Но дело не в словах. Пойдём дальше.

Пришёл я недавно в одно учреждение. Требуют пропуск. Направляю свои стопы в бюро пропусков. Сидит там серьёзный дядя, весь в защитном, и, не глядя в документ посетителя, произносит:

— Фио?

Посетитель не понимает: почему свистит этот дядя? А поэтому посетитель растерянно молчит.

— Фио? — продолжает свистеть дядя в защитном. — По-русски, что ли, не понимаешь? Фамилия, имя, отчество?

— Можете назвать любую фамилию — всё равно вам пропуск выпишут.

— Зачем же вся эта канитель? — спросите вы.

Как зачем? Ведь это всё-таки ещё одна бумажка.

Ну, вот подходит моя очередь. Оказывается, паспорт я забыл дома. Дядя в защитном милостиво говорит:

— Дайте любой документ.

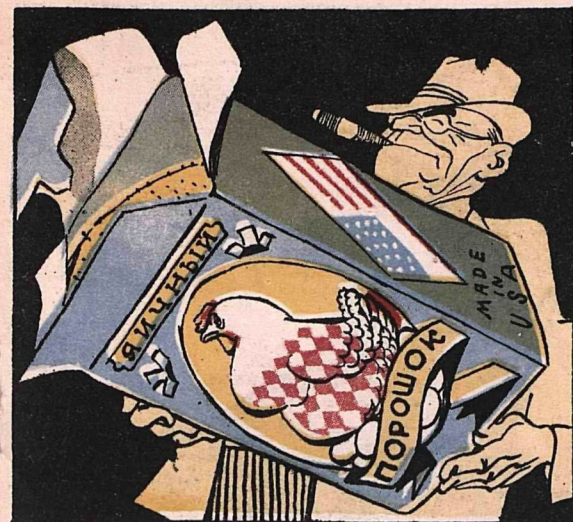
Вынимаю из кармана анализ, полученный вчера в поликлинике, — там всё сказано: и про лейкоциты в поле зрения и про белки.

— Вот и ладно, — говорит дядя. — Фио?

И мне выписывают пропуск...

Тут, конечно, я мог бы опять произнести целую речь о том, что порой бумажка... Но шутки в сторону! Обратите внимание, друзья, какая ещё у неё сила, у бумажки!

Г. РЫКЛИН

И порошки давали.

И заговорами пытались помочь.

И даже к кровопусканию прибегали.
А между тем больная нуждалась только
в одном уходе — уходе этих незадачливых
лекарей.

ОДНАЖДЫ...

Однажды, сидя за ужином в артистическом кружке, Александр Николаевич Островский увидел приехавшего в Москву провинциального актёра, самозванство которого было равно его бездарности.

Подойдя к столу, актёр поздоровался.

— Здравствуйте, батюшка! В Москву приехали? — ответил Островский на приветствие.

— Мимоездом заехал, на ваших хваленых актёров посмотреть да поучиться, — с видимой насмешкой проговорил приезжий.

— Вот как! А знаете, какой со мной случай сегодня был? — вдруг обратился Островский к сидевшим за столом друзьям. — Нанял это я сюда извозчика. Лошадёнка у него оказалась никуда не годная. Уж он её и кнутом стегает и ругательски ругает — ничего не берёт. Говорю я ему: «Лошадёнка-то у тебя не больно прытко бегаёт». «Поди ж ты, — отвечает, — а уж чего я с ней ни делаю: и лаской и кнутом — не помогает. Два раза я её, подлюку, на бега водил, показывал, как настоящие рысаки бегают, — и это не помогло: как была клячей, так и осталась!»

Провинциальный актёр сделал, конечно, вид, что не понял, о какой, собственно, кляче шла речь.

* * *

В квартире А. Н. Островского нередко можно было видеть начинающих писателей, осаждавших великого драматурга настойчивыми просьбами посмотреть их драматические произведения.

Александр Николаевич почти никогда им в этом не отказывал. Но были назойливые графоманы, которые страшно надоедали драматургу.

Одному такому «литератору» Александр Николаевич обещал прочитать его объёмистую рукопись в течение недели.

Ровно через неделю автор явился к Островскому.

— Ну что? — спрашивает он драматурга.

— Ничего, — равнодушно отвечает Александр Николаевич.

— Прочли?

— Прочёл.

— Есть недостатки?

— Да... один есть...

— Один только?

— Только один, — не изменяя равнодушного тона, отвечает Островский.

— Какой?

— Очень длинно...

— Ну, это-то ничего!

— Конечно, ничего...

— Что бы вы посоветовали с ней сделать?

— А вот что: сначала отбросьте первую половину...

— Потом?

— А потом... вторую.

ИРОНИЧЕСКАЯ СМЕСЬ

ГОРЕ-НОВАТОР

Он сетовал: «Мой гениальный труд
В двадцатом веке не поймут...
Его оценят, говоря по чести,
Годов примерно через двести!»

Однако автор просчитался малость:
Едва его творенье вышло в свет,
Как публика тотчас же догадалась,
Что сочинил он несусветный бред!

АЛЕКСАНДР ВЕСЕЛОВСКИЙ
И ЕГО ПОДГОЛОСКИ

(К ДИСКУССИИ О «СРАВНИТЕЛЬНОМ МЕТОДЕ»
В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ)

Хотя была сия дискуссия
И беспринципна и вредна,
Но всё же утверждать беруся я,
Что пользу принесла она:
В бесплодных спорах с Веселовским,
Раскрыв пред нами карты все,
Его друзья и подголоски
Предстали вдруг во всей красе!

СПЕКУЛЯЦИЯ ТЕМАТИКОЙ

По теме книга — хоть куда,
С эпохой нашею созвучна,
Да вот какая в ней беда:
Написана ужасно скучно!

КРАЙНИЙ ИНДИВИДУАЛИСТ

Он музыку творил для избранного круга —
Для тёщи, для жены и друга;
Но, к сожаленью, даже эти трое
Не поняли её «изысканного» строя!

Сергей ШВЕЦОВ

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Философы, как тарелки: они либо глубокие либо мелкие.

Если ты хочешь быть впереди классиков, пиши предисловия к ним!

Критик так интересовался ростом писателя, точно собирался шить на него.

Когда о деревьях говорят: «Зелёные насаждения», — деревья вянут от скуки.

Муха оправдывала свою зимнюю спячку тем, что и медведи тоже спят зимой.

Посетителей он принимал, как лекарства: неохотно и только по предписанию.

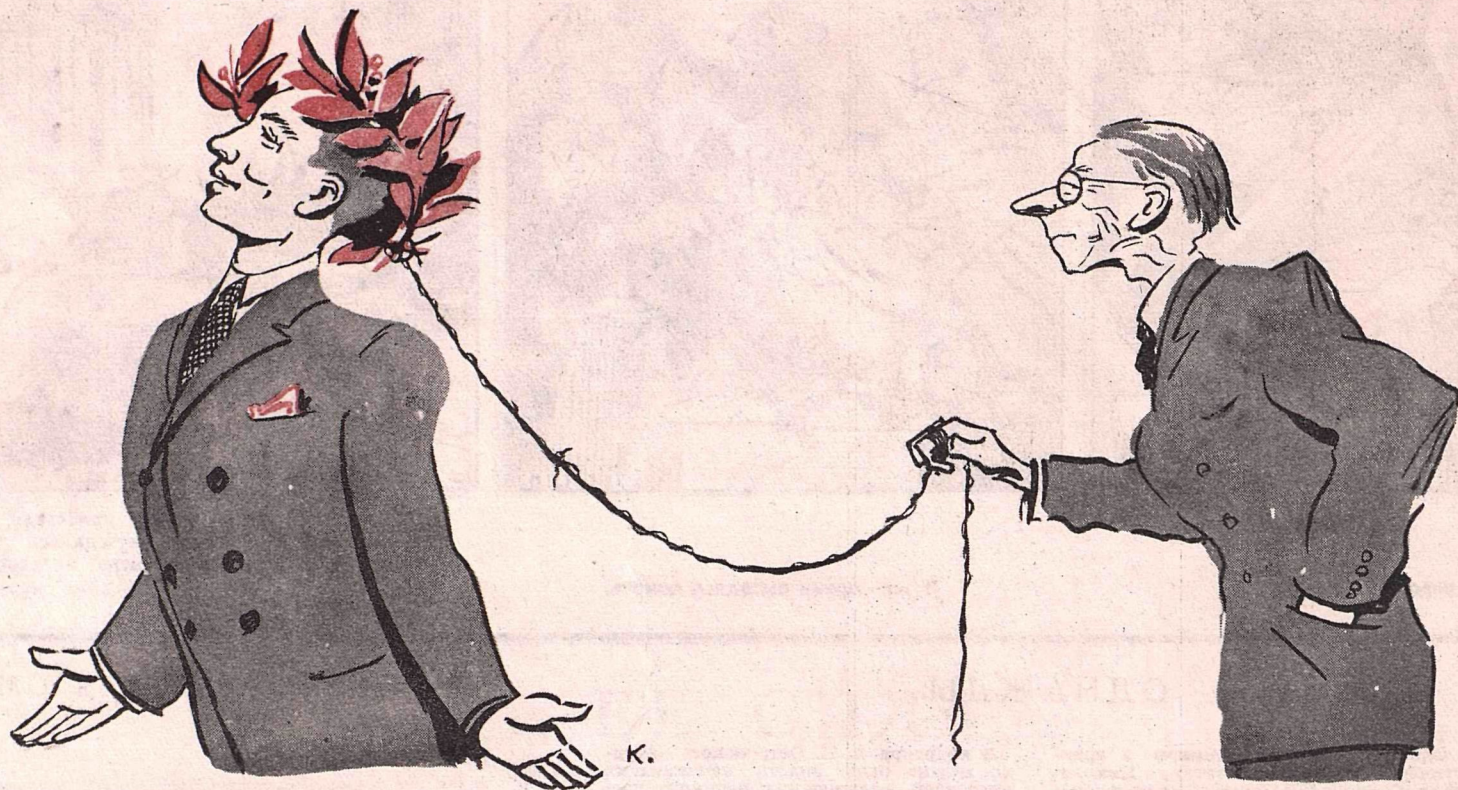
От судебного исполнителя беллетрист отличался тем, что описывал ничего не стоящие вещи.

Мой руки, но не умывай их.

Шапку подбирают по голове, а не наоборот.

М. ЯКОВЛЕВ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

Ввиду того, что критики иногда попадают впросак, венчая лаврами недостойных, Крокодил предлагает таким неосторожным критикам привязывать к лавровому венку верёвочку и конец последней не выпускать из рук. Это даст возможность критику в нужный момент дернуть за верёвочку, сорвать венок и тем самым исправить свою ошибку.

О МУТНОЙ ВОДЕ И ПРОШЛОГОДНЕЙ ЛЕБЕДЕ

РЫБОЛОВЫ встревожились:

— Чего, праздные, воду мутите, рыбу путаете?

— Пиявок ловим.

— Для насадки?

— Нет, подсчитываем для науки.

— Это как же понимать?

— А вот фауну и флору изучим, температуру воды определим, условия существования рыбы узнаем...

— Оно, конечно, занято, — соглашались рыболовы, подалеже отходя с удочками. — Шука, там, головль, хорошо известно, водятся, но, может, условия и для акулы найдёте?

Когда было покончено с пиявками, дошла очередь до самих рыболовов:

— Что вы поймали в позапрошлом и в нынешнем году?

— Да разное помалости. Уклейка, там, пескарь. Ежели вам на уху нужно, можем леща предложить...

— Нет, нам для науки.

Этот глубоко содержательный разговор происходил летом 1940 года. А семь лет спустя профессор Я. Я. Цеб опубликовал «Материалы по изучению жизни водоёмов Орловщины и к развитию рыбного хозяйства». Труд на многих страницах. Учены пиявки и водоросли, рассмотрены берега и дно. Есть таблицы. Есть и результаты изысканий:

«Фауна рыб. Сведения о рыбах нами приводятся на основании опроса местных рыбаков и по сопоставлению этих данных с литературными сведениями о рыбах р. Десны. Опытных ловов не производилось».

Видно, что профессор не столько рылся в иле, сколько в сводках областного управле-

ния сельского хозяйства. Поэтому так «научны» его выводы:

«В количественном отношении, не имея точных данных о речной площади, пригодной для жизни рыб, можно дать лишь приближённые соображения».

«Безрыбными оказались такие пруды, в которых плотина настолько разрушена, что водное зеркало в них отсутствует».

«Существующие пруды нуждаются в ремонте...»

«Вылов рыбы производится неорганизованно, удочками, бреднями...»

«Выращивание рыбы в прудах можно совместить с разведением домашней водоплавающей птицы — уток и гусей».

Научные изыскания профессора Цеба в мутной воде дополнены материалами профессора Н. А. Троицкого и Е. Г. Мужинной-Троицкой о давно выхолотых сорняках.

В том же, 1940 году, эти авторы побывали в колхозах, примыкающих к территории Орловского педагогического института, подсчитали былинки василька и осота, овсяга и лебеды. Определили широту и долготу. Сделали открытие:

«Общей для всех корневищных многолетних сорняков мерой борьбы являются неоднократная своевременная прополка, глубокая тщательная вспашка».

При этом авторы признают, что открытие ими прополки несколько пострадало от местных технических условий. Повинна в этом типография. Она, как это видно из специального примечания, не предоставила должного количества латинских букв для обозначения лебеды и повилыки. Тогда, дескать, колхозники совсем бы умилились.

— Гляди, даже по-латыни написано, что прополка — полезная штука!

Но научных мужей подвела не только местная типография. Авторы доказывали пользу прополки и составляли перечень давно известных сорняков семь лет. Колхозники в это время подходили к сорнякам не с лупой, а с тяпкой. На этой основе прошлым летом между профессором Троицким и колхозным кладовщиком артели «Идея Ленина» возникли научные разногласия. В своём труде, изданном прошлым летом, профессор на базе сорняков 1940 года утверждает:

— Поля артели «Идея Ленина» сплошь заросли васильками.

Колхозный кладовщик сделал другую выкладку:

— На артельных полях накрут собран урожай по 15 центнеров. Проса наши звенья взяли по 30 центнеров с гектара.

Пока профессор исследовал сорняки, колхозники их выхолотили. Но это, видимо, не входило в научные планы института.

Чеховская институтка Наденька, живя на даче, в своё время открыла, что говядина делается из быков и коров, а баранина — из баранчиков и овечек.

Каникулярные работы Наденьки опубликовал Чехов. Свои открытия работники Орловского пединститута, по их собственному признанию, также совершили во время летних экскурсий. Эти каникулярные работы о давно известном они напечатали в «Учёных записках».

Но разница не только в этом. В отличие от Наденьки заглавие и оглавление своих работ орловские мужи напечатали на двух языках — на русском и латыни.

И вышел трактат о мутной воде и прошлогодней лебедке на двух языках.

А. ЕРОХИН

г. Орёл.

(ШУТКА)

Мы решили неуклонно
Нашу память развивать,
Адреса и телефоны
Никогда не забывать.
Это глупо, это сложно —
Над записками сидеть.
Надо просто, если можно,
Мнемотехникой владеть.
Не зависишь от блокнота,
Не берёшь карандаша...
Есть для памяти работа,
Если память хороша!
Мы решили так. И вдруг
Нас встречает старый друг.
Заявляет сходу он:
— Мне сменили телефон.
Вам не трудно записать?
5-15-45!..

Мы минуту посчитали
И записывать не стали:
Так запомним. Надо взять
За основу цифру пять.
Чтоб найти число второе,
Надо пять умножить втрое,
А для третьего опять
Втрое множим трижды пять.
Ошибиться мы не можем.
Перемножим! Подытожим —
Даже нечего считать:
5-15-45!

Способ выверен на деле.
Но проходят две недели.
Где наш друг? Скучает он.
Вспоминаем телефон:
Что б найти число второе,
Надо первое взять втрое,
А для третьего опять
И второе втрое взять...
Но не можем, как назло,
Вспомнить первое число!
Может, тройка? Безусловно!
Тройка втрое — девять равно.
Дальше девять на три множим,
Ошибиться мы не можем,
Метод наш доступен всем —
3-09-27!

Зря не тратили старанья,
Способ наш запоминанья
Всем хорош — одна беда:
Позвонили не туда!
Мы ошиблись, но не шибко —
В первой цифре вся ошибка.
Надо брать не три, а два,
Двойку надо брать сперва.
Взяли двойку, Номер есть!
Набираем: 2-06-
18! Способ точен,
Этому мы рады очень.
Дозвонились без труда,
Но, к несчастью, не туда!
— Что ж вы, братцы,
не звоните? —

Говорит при встрече друг.
— Ах, простите, извините,
Телефон забыли вдруг!
— Где ж ваш метод
дедуктивный?

5-15-45!
Запишите! Прimitивный
Это способ — записать...
Пять, мы знаем, возраст Вовы,
Вова — отпрыск дяди Лёвы.
Дяде Лёве двадцать пять.
Применяем способ новый,
Нам с роднёю повезло, —
Значит: возраст дяди Лёвы
Минус дважды возраст Вовы
Есть искомое число!
С третьей цифрой много проще:

Годовщина свадьбы тещи
Плюс невестка минус зять —
Будет ровно сорок пять!
Способ выверен на деле.
Но проходят три недели.
Где наш друг? Скучает он.
Вспоминаем телефон.
Значит, так: сначала — Вова.
Вове сколько? Вове шесть!
Взяли Вову за основу,
Вова есть — начало есть!
Нужен для числа второго,
Чтобы был ответ готов,
Троекратный дядя Лёва
Минус дважды взятый Вова:
Сумма львов без суммы вов!
Нет, не так! Назад ни пяди!
Подойдём к ответу вплоть!..

Нам нужны три полудяди
Минус шесть полуволодь...
Или метод сложен или
Им владеем не вполне.
Словом, мы не без усилий
К третьей цифре приступили,
Трудно путаясь в родне:
— Шестью восемь — сорок
восемь,
Тётю пишем, дядю носим,
Делим дядю со свекровью,
Получаем тещу с дробью,
Дед плюсуется к куме —
Зять в остатке, кум в уме!
Извлечём из свёкра корень
И (лиха беда — почин)
Результат имеем вскоре:
6-13-101!

Способ верный и толковый,
Только есть одна беда —
То, что номера такого
Не бывает никогда.
Мы встречаем друга снова.
Не сказав худого слова,
Он нас просит записать:
5-15-45!
— Это так обыкновенно!
Мы нашли другую нить,
Мы решили вдохновенно
Эти строки сочинить,
Чтоб на тему телефона
Получился фельетон
И чтоб в ходе фельетона
Нам запомнить телефон.
Можем мы спокойно спать:
5-15-45!

ЗАВ. ГОРТОРГОМ В МАГАЗИНЕ

Рис. В. ГОРЯЕВА

— Очень рады, Максим Петрович, видеть вас в нашем магазине
хотя бы в качестве покупателя!

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ БРАКОВАННЫЕ ТОВАРЫ

Рис. И. СЕМЕНОВА

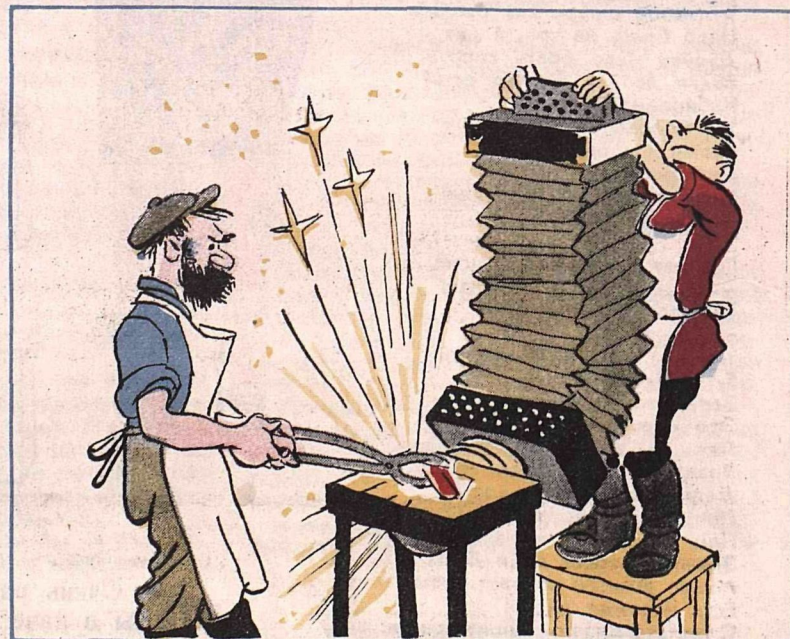
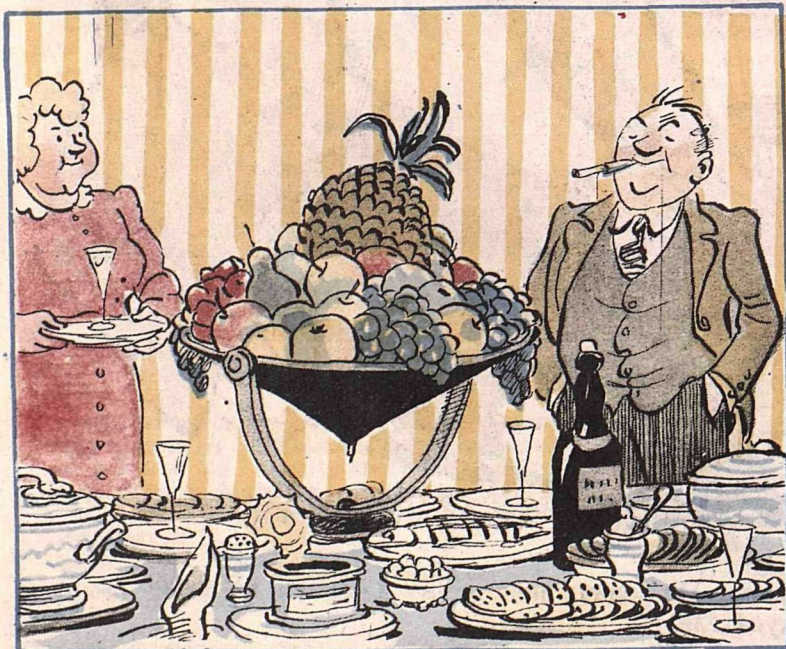
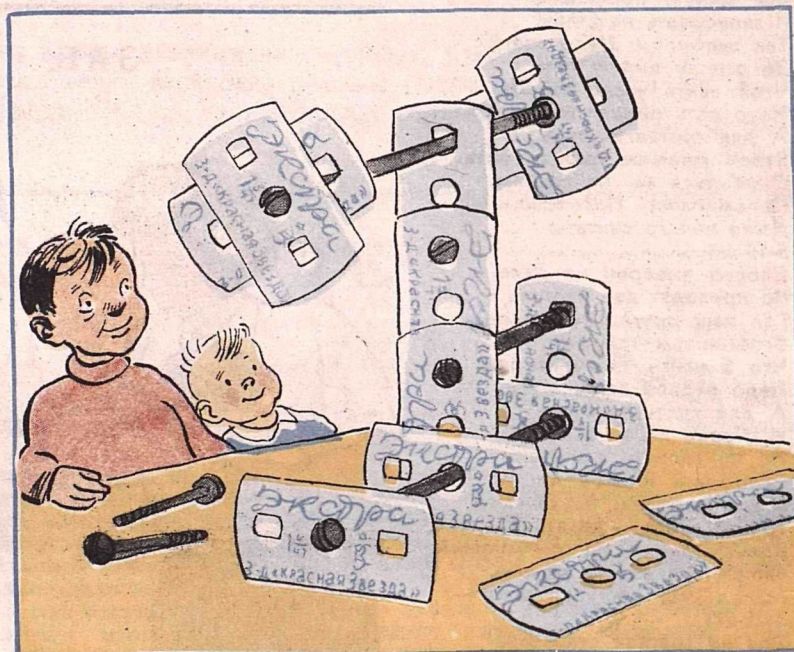
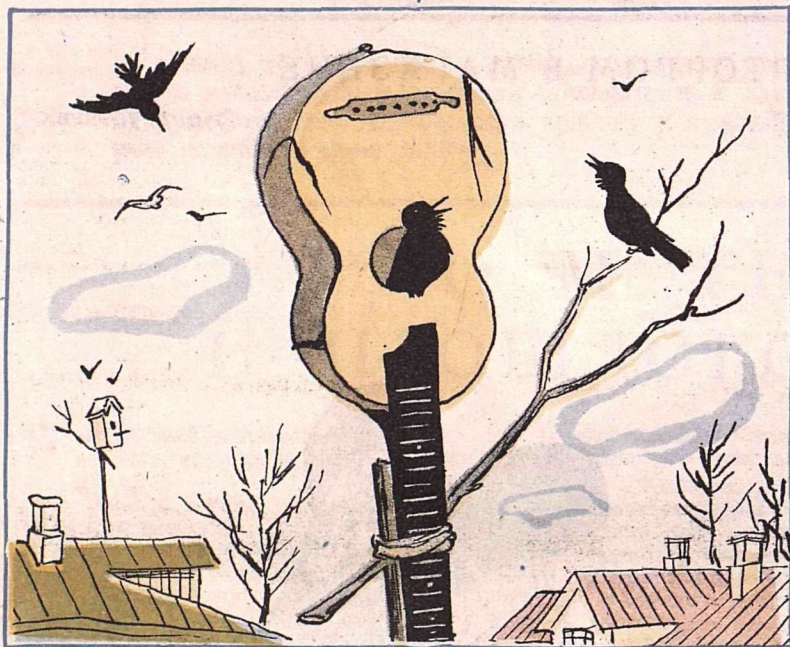
Плохой «Беломор» можно использовать как хороший клопомор.

Непригодную для игры гитару легко приспособить под скворечник.

Огорчившие вас самонережущие лезвия «Экстра» принесут много радости вашим детям как вполне безопасная игрушка.

Шипящий и хрипящий громкоговоритель можно исправить, превратив его в бесшумную вазу для фруктов.

А не издающую звуков гармонь отнесите в ближайшую кузницу, где её с благодарностью используют.

Дорогой Крокодил

(ШИОБМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Время, говорят,— деньги. Много драгоценно-го времени расходуется понапрасну на ожидания всяких собраний и совещаний.

У нас в Челябинске изобрели новый способ начинать собрание в срок. Надо, например, чтобы к началу собрания зал театра был полон. Делается это так: вместо семисот билетов раздаётся полторы тысячи. Правда, иногда получаются мелкие неувязки. Так, на заседание, посвящённое 30-летию Советской Армии, завезший военным отделом горкома ВКП(б) тов. Курганов так размахнулся, что в театр пришло «лишних» четыреста человек и им пришлось уйти обратно.

Но зато заседание было начато вовремя.

С. СТЕПАНОВ

Челябинск.

Дорогой Крокодил!

Совхоз «Коминтерн», Бахчисарайского района, расположен недалеко от железнодорожной станции Сюрень. Это создаёт большое удобство для снабжения совхозного кинотеатра филь-

мами из Симферополя. Но столь счастливое обстоятельство омрачается тем, что на станции Сюрень нет багажных квитанций. Следовательно, отправлять отсюда фильмы обратно в Симферополь никак нельзя.

Тут возможно несколько вариантов: либо прекратить демонстрацию фильмов в совхозе, либо работникам совхоза периодически ездить в кинотеатры Симферополя, либо приобрести специальный самолёт для доставки картин из Симферополя и обратно.

Либо... преодолеть начальнику станции Сюрень гигантские трудности и обзавестись багажными квитанциями. Но этот вариант совершенно фантастический. Поэтому мы на нём и не останавливаемся.

И. ПОТЕХИН,
старший диспетчер областного
управления кинофикации

Симферополь.

Товарищ Крокодил!

Обязательно поздравь начальника орс треста «Андреевуголь» тов. Бондаренко: он нашёл блестящий выход, как удешевить себестоимость швейных изделий и тем самым ликвидировать огромные убытки по орсу. Тов. Бондаренко приказал мастерским орса начать массовый пошив ватных костюмов без карманов и пуговиц, а белья — без пуговиц и завязок.

А заодно вырази своё порицание нашим угольщикам, которые почему-то отказываются покупать эту продукцию. Нельзя же, в самом деле, быть такими жестокими к чужой беде: у тов. Бондаренко одни убытки, а они — никакого сочувствия!

И. ГРИБОВОД

г. Губаха,
Молотовской области.

Уважаемый Крокодил!

Недавно в торжественной обстановке Красноярский крайротдел и крайком союза Шоссгидротехстрой вручили переходящее Красное знамя за выполнение плана Канскому 486-му дорожному эксплуатационному участку.

Дорожники чрезвычайно были польщены тем, что их скромные труды отмечены столь высокой наградой, и дали торжественное обещание не останавливаться на достигнутом.

Если принять во внимание, что «достижения» 486-го участка в выполнении плана выражаются в скромной цифре 94 процента, остаётся лишь пожелать, чтобы владельцы знамени действительно не останавливались на достигнутом.

ОЗНОБИХИН,
старший инженер

г. Канск,
Красноярского края.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● Читатель Крокодила из города Лида, Гродненской области, сообщил редакции о безграмотности прокурора Лидского района Фирсова. По письму читателя Фирсов за юридическую безграмотность, а также за нарушения по службе с работы снят.

● В № 2 Крокодил опубликовал фельетон своего специального корреспондента «Муки Андрея Велукина» о запущенности культурно-просветительной работы в Аткарском районе, Саратовской области.

Фельетон обсуждался на совместном заседании исполкома Аткарского райсовета и бюро райкома, которые признали фельетон правильным и наметили конкретные меры по улучшению работы культурно-просветительных учреждений. Обл-исполком со своей стороны выделил необходимые для клубов и домов культуры материалы.

ТРАВКА ЗЕЛЕНЕЕТ, СОЛНЫШКО БЛЕСТИТ...

Одним словом, мы имеем дело с весной. С приходом весны директор Житомирского мотороремонтного завода тов. Лавренов начал проявлять явное беспокойство. Его тревожила мысль: нельзя ли сделать так, чтобы машинно-тракторные станции не предъявляли заводу никаких претензий? Оказывается, всё очень просто. Тов. Лавренов сел за стол и написал всем МТС:

«Наш завод отремонтировал для вашей МТС (столько-то) моторов, которые вами получены...

Считаю, что ремонт моторов проводился в условиях завода качественно... Исходя из вышеизложенного, прошу вас сообщить заводу, имеются ли у вас какие-либо замечания по вопросу работы моторов.

В случае неполучения от вас ответа на данное письмо завод считает, что моторы отремонтированы качественно и никаких требований к заводу нет».

Пришло такое письмо и в Рушинскую МТС, пришло — и вызвало переполох. Директор МТС тов. Ткачук поднял всех на ноги:

— Нам пишут, что отремонтировали четыре мотора. Где они? Достать из-под земли!

И достали, конечно. Не из-под земли, а из-под свалки... на Житомирском заводе, у тов. Лавренова: их и не думали ещё ремонтировать. Следовательно, у МТС фактически никаких замечаний «по вопросу работы моторов» не было и быть не могло. А Лавренову что? Претензий нет? Нет. Значит, всё в порядке.

ДРАМА В ЭФИРЕ

Крупные проблемы волнуют порой днепропетровскую газету «Днепровская правда». С большим интересом мы прочли, например, в номере от 8 февраля о том, что диктор местного вещания тов. Шашкин

«вместо того, чтобы сказать по-русски: «народ», говорит «нарот», вместо «нож» — «нош», вместо «рукав» — «рукаф».

Надо полагать, диктор учёл ценные замечания редакции и постарался исправить недостатки речи. Но, увы, только он наладил правильное произношение, как, к ужасу своему, в номере от 14 февраля обнаружил следующую поправку:

«Вместо того, чтобы сказать по-русски «нарот», он говорит «народ», вместо «нош» — «нож», вместо «рукаф» — «рукав».

Теперь уж диктор Шашкин, вероятно, окончательно запутался во всех этих «рукафах». И хоть режьте его «ношом», ни за что не скажет, чего хочет от него «Днепровская правда».

ОВОЩИ И «ФРУКТЫ»

Рис. Е. ЕВГАНА

— Я проделал интересный опыт: сначала посеял редиску, а две недели спустя — лук.
— Ну, и что же?
— Сначала у меня украли редиску, а две недели спустя — лук.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ

Адрес: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц

Изд-во «Правда»

Москва.

Изд. № 239. Подп. к печати 20/III 1948 г.

Статформат 72x105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 00381.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 758.

50

31 МАР 1948

Всесоюзная
книжная палата
обл. экз.
1948 г.

2550 м

В БЕЛОМ ДОМЕ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

— Снимите эти виды! У нас теперь совсем другие виды...